

РОЛЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА КАК НАРОДООБРАЗУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА

© 2018 г. Синякина Е.Г. *

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

e-mail: k.sinyakina@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается значение русского дореволюционного крестьянства для мира в целом и нашей страны в частности, его роль в социально-экономической жизни России, в формировании русского языка, литературы, живописи, музыки, искусства, отечественной культуры и традиционного менталитета народа. В результате историографического анализа проблемы установлено, что русское крестьянство, составлявшее почти девяносто процентов от всего населения страны, являлось народообразующей социальной группой общества, предопределившей основные черты культуры и менталитета России. Аккумулируя в себе наиболее ценные народные качества, оно создавало, укрепляло и сохраняло его традиции и обычаи, ценности и идеалы, исконно русский образ жизни. Крестьяне приняли и бережно хранили христианские заповеди, выступавшие духовно-нравственным ядром русской культуры, основой формирования мировоззрения и психологии русского народа.

Ключевые слова: русское крестьянство, народообразующая социальная группа общества, традиционный русский менталитет, мировоззрение и психология, формирование и становление мировоззрения народа, дореволюционный исторический период, русский народ, роль и значение русского крестьянства

В истории России крестьянство играло ключевую роль. Вплоть до середины XX столетия Россия была страной с преобладанием сельского населения. Крестьяне представляли собой *основу русского народа*: в середине XIX – начале XX вв. в Российской империи они составляли почти девяносто процентов от общего числа разнородного населения страны (А.И. Куприн, А.И. Солженицын, С.Г. Кара-Мурза). Об этом образно и ярко писал А.И.

Куприн: «Когда говорят “русский народ”, я всегда думаю – “русский крестьянин”. Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» (Куприн, 1934, с. 398).

Говоря о роли народа в жизни дореволюционной России, писатель Г.И. Успенский отмечал, что крестьянин «держит на своих плечах всех и вся. Поэтому мы и любим его, и идём к нему за исцелением от своих душевных мук» (Успенский, 1987, с. 479).

В своем «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский признается в глубокой вере в русский народ: «Я лишь за народ стою, прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто ещё из нас не знает во всём объёме и величии их, – как в святыню верую» (Достоевский, 1995, с. 496). Согласно его мнению, *всемирная христианская роль русского народа*, главное «предызбранное назначение» его состоит в том, чтобы «сохранить у себя... божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» (Достоевский, 1994, с. 70–71).

Н.О. Лосский также считал, что одним из основных свойств русского народа является *мессианизм*, суть которого состоит в пророческом предвосхищении счастья всех народов через счастье русского народа, основанном на любви к Богу (цит. по: Титаренко, 1991, с. 17).

По словам философа В.В. Розанова, «истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш за его смирение и терпение, за его невидность и неблистанье, в союз с Собою: и этим народом Он покорит весь мир Своей Истине, которая есть именно смирение, безвидность, простота, ясность, доброта» (Сохряков, URL).

На протяжении многих тысячелетий крестьяне являлись главной производительной силой русского общества, создателями основных материальных ценностей, обеспечивали своим трудом экономическое

развитие и процветание России. С момента зарождения русского государства именно благодаря крестьянству после самых тяжелых испытаний Россия возрождалась, обретая силы для дальнейшего развития. Крестьянство с его *природным консерватизмом* являлось опорой государства. Русский мужик, способный переносить трудности и лишения, обладающий огромным мужеством и выносливостью, восстанавливал разрушенное иностранными вторжениями экономическое хозяйство страны.

Крестьяне *столетиями формировали жизненный уклад*, отсекая от него всё, «что было лишним или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям» (Белов, 1989, с. 5). Деревня «питала живой силой» город. Большинство рабочих предприятий русских городов были выходцами из деревни, горожанами преимущественно в первом, реже – во втором поколениях. Даже бывшие сельские жители, которые перешли в иные сословия, *имея тесную связь с землёй, в сокровенной родовой глубине души не утратили «крестьянского духа» и «сладостно томительной тяги к земле»* (Байбородин, 2008, с. 94).

Русское крестьянство, аккумулируя в себе все лучшее, что было издревле присуще русскому народу, *создавало и укрепляло* народные традиции и обычаи, идеалы и ценности, нормы и духовные ориентиры жизнедеятельности. После реформаторской деятельности Петра I русские национальные традиции, по сути, продолжали развиваться лишь в крестьянской среде, где на протяжении веков сохранялся исконно русский образ жизни и самоорганизации.

Крестьяне всей душой приняли и свято хранили христианские заповеди и нормы бытия. Само слово «крестьянин» является ни чем иным, как измененным словом «христианин» (А.А. Безгодов, А.Ю. Писаревский, А.И. Солженицын). Этот лингвистический факт свидетельствует о *глубоком взаимопроникновении народной и православной традиций и огромной роли крестьянства в формировании духовного ядра русской культуры и менталитета народа*. Во многом именно под влиянием крестьянства

складывались и определялись мировоззрение русского народа и культура России в целом, а также особый путь исторического развития нашей страны.

Русская традиционная культура, как «мать» русской культуры вообще, основывалась *на крестьянской общине. Дух общинности, соборности, взаимопомощи в труде и борьбе с внешним врагом* распространился на всю русскую культуру, становясь *стержневой характеристикой менталитета* русского народа.

Бесспорным является влияние крестьянского творчества на развитие *русской литературы, живописи, музыки*. К нему обращались лучшие деятели нашей культуры, черпая в нем новаторские идеи и оригинальные художественные находки. Характеризуя русскую литературу, Ф.М. Достоевский подчеркивал, что *все вековечное и прекрасное*, представленное в ней в образах героев произведений А.С. Пушкина, А.И. Гончарова и И.А. Тургенева, [а также позднее – А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.Т. Твардовского и многих других русских писателей – прим. автора. – Е.С.] *взято из народа*. Писатели брали у него *простодушие, честность, искренность, чистоту, кротость, широту ума и незлобивость* в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному (Достоевский, 1994, с. 49–50).

Большую информативность и интерес по этому вопросу представляет отрывок И.С. Шмелёва из его «Автобиографии»: «Ранние годы дали мне много впечатлений», – писал он о своем детстве. – «Получил я их “на дворе”. В нашем доме появлялись люди всякого калибра и всякого общественного положения. Во дворе стояла постоянная толчея. Работали плотники, каменщики, маляры, сооружали и раскрашивали щиты для иллюминации. Приходили получать расчет и галдели тьма народу. Заливались стаканчики, плоски, кубастики. Пестрели вензеля. В амбарах было напихано много чудесных декораций с балаганов. Художники с Хитрова рынка храбро мазали огромные полотнища, создавали чудесный мир чудовищ и пестрых боев. Здесь были моря с

плавающими китами и крокодилами, и корабли, и диковинные цветы, и люди с зверскими лицами, крылатые змеи, арабы, скелеты – всё, что могла дать голова людей в опорках, с сизыми носами, все эти “мастаки и архимеды”, как называл их отец. Эти “архимеды и мастаки” пели смешные песенки и не лазили в карман за словом. Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова. Здесь, во дворе, я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня *очень любовно*. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиваньем и рубанки, и пилу, и топорик, и молоточки и учили, как “притрафляться” на досках, среди смолистого запаха стружек, я ел кислый хлеб, круто посолённый, головки лука и чёрные, из деревни привезённые лепёшки. Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки и ждал балагурства. Дюжие руки ломовых таскали меня в конюшни к лошадям, сажали на изъеденные лошадиные спины, гладили ласково по голове. Здесь я узнал запах рабочего пота, дёгтя, крепкой махорки. Здесь я впервые почувствовал *тоску русской души в песне*, которую пел рыжий маляр. “И-эх и тёмы-най лес... да эх и тёмы-на-ай...”. Я любил украдкой забраться в обедающую артель, робко взять ложку, только что начисто вылизанную и вытертую большим корявым пальцем с сизо-жёлтым ногтем, и глотать обжигающие щи, крепко сдобренные перчиком. Много повидал я на нашем дворе и весёлого и грустного. Я видел, как теряют пальцы, как течёт кровь из под сорванных мозолей и ногтей, как натирают мертвецки пьяным уши, как бьются на стенках, как метким и острым словом поражают противника, как пишут письма в деревню и как их читают. *Здесь я почувствовал любовь и уважение к этому народу, который всё мог*. Он делал то, чего не могли сделать такие, как я, как мои родные. Эти лохматые на моих глазах совершали много чудесного. Висели под крышей, ходили по карнизам, спускались в колодезь, вырезали из досок фигуры, ковали лошадей, брыкающихся, писали красками чудеса, пели песни и рассказывали захватывающие сказки. Здесь я впервые

увидел тоненькую потрёпанную книжку, которую читал по складам наш дворник. Это была сказка о том, как солдат спас Петра Великого от разбойников. Вскоре я узнал, где продают эти книжки. Я покупал их на случайные пятаки по выбору и указанию человека с красным носом, с утра до ночи сидевшего в своей убогой лавочке среди книжных сокровищ... Во дворе было много ремесленников – бараночников, сапожников, скорняков, портных. Они дали мне много слов, много неподражаемых чувствований и опыта. Двор наш для меня явился первой школой жизни – самой важной и мудрой. Здесь получились тысячи толчков для мысли. И всё то, что тёплого бьётся в душе, что заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребёнка, глазами» (Шмелёв, 1973, с. 142–143).

Вместе с тем, письменные труды по истории Государства Российского запечатлели в основном историю великокняжеских и царских дворов, высших сословий, войн, смут и кровавых бунтов, религиозных преобразований. Крестьянству в ней отводится крайне незначительная роль. Его тысячелетняя повседневная жизнь, история развития народного духа не получила должного отражения. Не случайно писатель-этнограф М. Забылин, создатель труда «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», отмечал: «Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят *об обычаях и образе жизни наших предков*, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас» (цит. по: Байбородин, 2008, с. 94). Автор с сожалением отмечал, что судьба сельской Руси оказалась незапечатленной полтора века назад, когда в крестьянстве еще «цвела и красовалась исконная обрядовая культура, а несметные самородные ремесленники дивили мир своим художественным творчеством и мастерством» (там же).

По словам Ю.Ф. Самарина, многие авторы XIX–XX вв. сознательно затемняли светлые стороны деревенской жизни и отрицали добрые чувства в

простом народе, которые могли бы привить к нему уважение и сочувствие. Большинство же исследователей крестьянства, порой искреннее ратуя за его освобождение от гнета крепостничества, акцентировало внимание лишь на тяжелой доле простого русского народа, игнорируя при этом светлые стороны его жизни.

В советской литературе крестьяне изображались как темная, невежественная, пассивная масса, социально незрелый, не готовый к самостоятельной, сознательной революционной деятельности слой общества, как некий антипод пролетариата. В лучшем случае умалчивались, а, чаще – критически оценивались *патриархальные устои жизни* русской деревни, рассматриваемые лишь как источник пассивности, безынициативности и несвободы личности. Писатель-историк Р.А. Балакшин писал, что перед самой революцией в монастырях и приходских церквях «у чудотворных намоленных икон теплились неугасимые лампы. Под их кротким светом текла семейно-привычная жизнь, в чем-то, быть может, *нескладная* [курсив мой. – Е.С.], *неурядливая, трудная и горькая до кипучих непрощающих слез, но во всем, до последней больной кровинки, своя, за которую и буйную голову сложить не жаль. Та жизнь – с терпеливой любовью и заветами потаенного милосердия, с преданьями, легендами, поверьями, завещанными от отцов и дедов, которую вскоре (и недолго осталось ждать) назовут проклятой, патриархальной, облепят обидными поносными прозвищами*» (Балакшин, 2007, с. 39–40).

Ф.А. Абрамов на встрече с читателями говорил: «Сегодня все, кому не лень, по поводу и без повода, пинают патриархальную старую деревню. Как это можно? Да это же наша мать родная. Все мы с вами, здесь сидящие, и не только мы, все народы мира вышли из деревни. А Россия деревне обязана больше чем кто-либо. Русская деревня – это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык. Лев Толстой за образец для себя в течение всей жизни ставил патриархального крестьянина. Ведь патриархальный крестьянин – это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписаным

законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество» (Абрамов, 1993, с. 21). И Р.А. Балакшин считает, что именно «...в провинциальной тишине проникновенней творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. В провинции, в несуетной жизни захолустья, рядом с деревней, с земледельческим, почвенным трудом соиздался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твердость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неутомимость в труде и неприхотливость в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные силы, а не на помощь со стороны» (Балакшин, 2007, с. 9–10).

И сегодня продолжает сохраняться тенденция выведения многих бед нашей социальной жизни – *пассивности, пьянства, лености, отсутствия инициативы, антидемократических настроений* – из векового крепостнического рабства и патриархальных устоев жизни народа. Подобные заявления приходят в явное противоречие с бесспорными фактами интенсивного экономического развития России в начале XX столетия. Но кем же обеспечивался этот экономический взлет, если не крестьянством, составляющим в то время основную часть населения страны и рекрутирующим из своих рядов как пролетарские массы, так и зарождающийся новый класс общества – купечество? И чем же, как не *творческой мощью русского народа*, можно объяснить *необыкновенный взлет культуры России* с ее огромным духовным потенциалом?

Отсюда следует важность и актуальная необходимость воссоздания объективного психологического портрета русского крестьянства. Нельзя не согласиться с исследователем русского быта, этнографом М.М. Громько, отмечающей, «что благожелательное слово о каждом народе, открывающее

лучшие его качества и культурные ценности его истории, способствует тому, чтобы максимально развернулись положительные возможности этого народа» (Громыко, 1991, с. 7).

Все сказанное приводит к выводу, что, изучая истоки и основные характеристики менталитета русского народа, исследуя присущие ему воззрения, установки, ценности, обычаи и традиции, необходимо обращаться, прежде всего, к психологии русского крестьянства дореволюционного периода, являвшегося на протяжении многих тысячелетий основной материальной и духовной силой российского общества. Именно оно наиболее полно и ярко воплощало в себе и отражало те свойства, которые присущи русскому народу в целом, являлось создателем и хранителем исконно русских норм жизни и национальных традиций.

Как пишут М.М. Громыко и А.В. Буганов: «“Русскость” более открыто выражена в так называемом простом народе... В массе народной воззрения выражаются в самой жизни, а не в специально написанных трактатах. В этом их достоверность, подлинность. Они не выдуманы искусственно – ими живут. Они устойчиво проявляются в повседневности, входят в самые основания разных областей деятельности» (Громыко, Буганов, 2000, с. 3).

И хотя XX столетие с его социальными катаклизмами привело к утверждению новых форм экономических и общественных отношений, в корне изменивших традиционный уклад жизни народа, приведших к «раскрестьяниванию» крестьянства, частичной утрате его веками накапливаемого опыта, но все же не уничтожило ядерные образования русского менталитета (Громыко, 1991, с. 5). Он сохранился и продолжает существовать в духовной сфере, мировосприятии народа, системе его базовых ценностей и отношений, скрываясь за внешними проявлениями образа жизни. Увидеть за этими внешними, порождаемыми требованиями времени, слоями жизнедеятельности *«устойчивые воззрения, присущие народу*, можно только опираясь на предшествующий период: тот, кто изучал, как они проявлялись в

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
старину, узнает их и под покровом современной одежды» (Громыко, Буганов, 2000, с. 3).

Таким образом, актуальность исследования менталитета русского народа, являющегося и сегодня титульной нацией в нашем многонациональном государстве, ставит перед необходимостью изучения этой проблемы на материале, позволяющем проследить *ее в наиболее яркой, не затемненной социальными наслоениями форме* – на примере изучения психологии русского крестьянства дореволюционного времени.

Литература

- Абрамов Ф.А.* Работа – самое большое счастье // Ф.А. Абрамов. Собр. соч.: В 6-и т. Т. 5. СПб., 1993.
- Байбородин А.Г.* Блаженны кроткие // День и ночь. 2008. № 4. С. 94–96.
- Балакишин Р.А.* И в жизнь вечную... // И в жизнь вечную...: Повести и рассказы. М., 2007. С. 27–99.
- Балакишин Р.А.* Родной город // И в жизнь вечную...: Повести и рассказы. М., 2007. С. 5–27.
- Белов В.И.* Лад. М., 1989.
- Буганов А.В. Громыко М.М.* Воззрения русских М., 2000.
- Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1873 год // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и т. Т. 12. Л., 1994.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1877, 1880 август, 1881 // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: В 15-и т. Т. 14. СПб., 1995.
- Куприн А.И.* Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919 – 1934. М., 2006.
- Титаренко А.И.* Классическая этика абсолюта // Н.О. Лосский. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 5–21.
- Успенский Г.И.* Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 381–464.
- Солженицын А.И.* Путешествуя вдоль Оки. (Из цикла «Крохотки») // Малое собр. соч. Т. 3. Рассказы. М., 1991, с. 143–158.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Сохряков Ю.А. Розанов Василий Васильевич (20.04.1856–5.02.1919), мыслитель, писатель, публицист. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=321>. (Дата обращения: 02.11.2018).

И.С. Шмелёв Автобиография // Русская литература. М., 1973. с. 142–143.

THE ROLE OF THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PEASANTRY AS A NATION-FORMING SOCIAL GROUP OF SOCIETY IN THE FORMATION OF THE MENTALITY OF THE RUSSIAN PEOPLE

Sinyakina E.G. *

*Candidate of Psychology, research associate Laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

The article discusses the value of the Russian pre-revolutionary peasantry for the world in general and our country in particular, its role in the socio-economic life of Russia, in the formation of the Russian language, literature, painting, music, art, national culture and traditional mentality of the people. As a result of the historiographical analysis of the problem, it was found that the Russian peasantry, which accounted for almost 90% of the total population of the country, was a people-forming social group of society, which predetermined the main features of the culture and mentality of Russia. Accumulating in itself the most valuable national qualities, it created, strengthened and kept its traditions and customs, values and ideals, originally Russian way of life. The peasants had taken and carefully kept Christian commandments, speaking of the spiritual-moral core of Russian culture, the basis for the formation of the worldview and psychology of the Russian people.

Keywords: Russian peasantry, people-forming social group of society, traditional Russian mentality, worldview and psychology & their formation, pre-revolutionary historical period, Russian people, the role and value of the Russian peasantry